

Многочисленные эссе — Таллинн — 1990 — 90-е

«Перебирая наши даты...»

Давиду Самойлову — 70

И ведь кто-то же отмерил ему с такой щедростью звука и смысла эти слова. Такие объемные и весомые, такие ничьи — лишь его — в нашей скороговорке повторов. И такие, что веришь — неистребима русская поэзия. Ему — одному из многих — веришь.

И ведь кто-то же отмерил ему с таким запасом про черный день эту ясность, это неспешное достоинство, не замаранное ни хвалой, ни хулой.

И неспешность — выйти к читателю не с гаммами, а с ожившей музыкой. И остаться с ним. Несмотря на годы редких журнальных подборок, переводов (мастерских!) и более — ни строчки. А тома изданий, а премии и награды — они приподнялись, едва успели вслед ему — живому.

Кто выдал ему от щедрот своих эту веселую радость жизни и жажду, и жадность к каждой ее подробности? И веру в бесконечную протяженность. Ему — больному и столь не зрячему в обычном нашем понимании. Еще пятнадцать, что ли, лет тому, когда оказалась впервые в гостях у поселившегося в Пярну почти опального поэта, он, угощая чаем, сыпал сахар мимо моей чашки...

Опальный? Скорее, ненужный, не востребовавший долгими годами: не поддакивал, не подсовывал. Но так писал в расписываемый свой «стол» под шум моря, деревьев и дождя, что в самые глухие дни какие голоса раздавались из деревянного домишки на тихой пярнуской улице! Какие автографы, рисунки и стихи ложились на листы домашнего альбома под названи-

ем «Пярнография»! Хотя отдельным томом собрания издавай — для радости жизни. В этом полном голосов и друзей доме, куда сбежал от шума и суеты, и где жена Галина в самых безвыходных ситуациях, но все-таки выкраивала еще одно спальное место подоспевшему гостю и привычно отправлялась на рынок за ягодами для традиционного торта. Ягоды менялись в зависимости от сезона, а традиции дома — нет.

Я все об этом сегодня — в его юбилей (до которого не дождал чуть-чуть, самую малость) — потому, чтобы не о поэзии, не о стихах. Тут как в любви: каждый сам. Лично.

Я же перебираю сегодня его сборники, где его рукой набросаны веселые и невозможно щедрые слова, потому что он любил эту игру в дарственные надписи, как любую игру словом, и понимаю, что не в силах выбрать одно-единственное для печатания в этом номере стихо-

творение.

1 июня — в день юбилея поэта — литературный вечер памяти Давида Самойлова прошел в Пярну, а 30 мая — в Таллинне, в Русском драматическом театре, где чуть более трех месяцев назад в последний раз звучал его голос на вечере памяти Бориса Пастернака. Мне довелось быть в театре, где множество людей с искренней любовью к поэту читали, пели, музицировали в память о нем. А потом на сцену вышли его друзья Валентин Никулин и Сергей Никитин... И стала понятна жестокая, но честная мера соизмеримости талантов. Померкли и отошли все ритуально-траурные пассы. И показалось, ну почти что поверилось, что в кулисах стоит, покашливая и хихикая от удовольствия, Давид Самойлов.

Августина ГЕРБЕР.

Давид Самойлов

Поэзия пусть отстаёт
От просторечья —
И не на день, и не на год —
На полстолетья.

За это время отпадет
Все то, что лживо.
И в грудь поэзии падет
Все то, что живо.